

Головин Николай Александрович

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

n.golovin@spbu.ru

Ломоносова Марина Васильева

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

lomonosovamv@mail.ru

«Видеть ситуацию существенно сложнее, чем Питирим Сорокин»: о первой немецкой рецензии на «социологию революции»⁷¹⁰

Аннотация. Рецензии на выход в свет работы П. А.Сорокина «Социологии революции» (1925), в том числе на её германское издание в обработке Х. Касполя (1928), представляют особый интерес в рамках методологии и истории социологии. В статье акцентируется внимание на рецензии Ханны Мойтер (1889–1964), учтены оценки других немецких социологов. Рассмотрены существенные критические по поводу концепции, теоретической и эмпирической части сочинения П. А.Сорокина. Обращение к современным концепциям по затронутым в рецензиях проблемам позволяет актуализировать ряд положений классических социологических теорий. Доказано, что немецкая методологическая критика «Социологии революции» является важным фактором, ускорившем отход П. А.Сорокина от коллективной рефлексологии.
Ключевые слова: социология революции; история социологии; методология социологии; немецкая социология; П. А. Сорокин; Л он Визе; Х. Мойтер

Golovin Nikolay Aleksandrovich

Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russian Federation

n.golovin@spbu.ru

Lomonosova Marina Vasilyevna

Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russian Federation

lomonosovamv@mail.ru

**“Looking at the problem is much more complicated than Pitirim Sorokin”:
about first german review of the “sociology of revolution”⁷¹¹**

Abstract. The paper presents an analysis of criticism of the methodology of The Sociology of Revolution (1925) by P. A.Sorokin in a review by the famous sociologist H. Meuter (1889–1964). Estimates of German colleagues in another five reviews of the German edition of P. A. Sorokin’s book, edited H. Kasspohl (1928), are taken into account. The essential criticisms of H. Meuter regarding the conceptual, theoretical and empirical part of Sorokin’s work are

⁷¹⁰ Статья содержит результаты НИР по теме «П. А. Сорокин и немецкая социология: личные контакты и история взаимного влияния (1923–1957)», поддержанной грантом РФФИ № 20-011–00451.

⁷¹¹ The article contains the results of scientific research on the topic «P. A. Sorokin and German sociology: personal contacts and a history of mutual influence (1923–1957)», supported by RFBR grant No. 20-011–00451.

considered. The final conclusions of this study use an appeal to modern knowledge with respect to the issues raised in the reviews. It is proved that German methodological criticism of the The Sociology of Revolution was an important factor in accelerating Sorokin's movement away from collective reflexology.

Keywords: sociology of revolution; history of sociology; sociological methodology; German sociology; Pitirim Sorokin; Hanna Meuter; Leopold von Wiese

Вводные замечания

Книга «Социология революции» вышла в свет в 1925 г. в Америке и практически сразу была переведена на японский (1926), немецкий (1928) и на латышский (1929) языки. Она регулярно переиздается на языке оригинала, а с 2005 года – на русском языке.

Целью историко-социологического исследования, результаты которого включены в настоящую статью, является обобщение критики методологии бихевиоризма П. А. Сорокина в его работе «Социология революции», представленной в рецензиях немецких ученых. При этом стоит отметить, что немецкое социологическое сообщество в те годы находилось в авангарде процессов институционализации научной дисциплины, опережая во многих аспектах как российское, так и американское. Это позволяет расширить историко-социологическое знание о факторах влияния в 1920- и 1930-е гг. на эволюцию теоретических и методологических воззрений П. А. Сорокина после его изгнания из России.

На немецкий язык книга «Социология революции» (1928) была переведена практически сразу, после её первого издания на английском языке Хансом Касполем (даты жизни неизвестны) – майором в отставке доктором Кенигсбергского университета. Свой перевод он снабдил объемным предисловием, в котором П. А. Сорокин представлен немецкому читателю прежде всего как оппозиционный к власти большевиков революционер, а уже затем как социолог, разрабатывающий объективную науку о поведении людей в обществе [Kasspohl, 1928].

На «Социологию революции» П. А. Сорокина в немецких социологических кругах обратили внимание еще до выхода в свет её перевода Х. Касполем. Книга была замечена не через три года (немецкое издание), а в сразу после её выхода в свет и прорецензирована веймарским социологом Ханной Мойтер (1889–1964). С 1921 г. она работала доцентом в Высшей народной школе и в Библиотечной школе в Кельне, одновременно изучая социологию в университете. В 1924 г. защитила диссертацию под руководством Леопольда фон Визе (1876–1969), что по тем временам было большой редкостью для женщины. С 1923 г. работала в журнале «Кельнский ежеквартальник по социологии», издававшийся Л. фон Визе, с которым к тому времени П. А. Сорокин уже сотрудничал (печатался в названном журнале). То, что именно Х. Мойтер открыла «Социологию революции» для немецкого профессионального читателя, а не просто для широкой публики, как это сделал г-н Касполь, – её несомненная и неслучайная заслуга. Рассмотрим рецензию Мойтер.

Критика «Социологии революции» Х. Мойгер

В книге П. А. Сорокин, стремясь выявить общие черты революций по всему миру, дальновидно исключает немецкую 1918 г., которая, по его мнению, еще незавершена [Сорокин 2010: 57]. Он ошибается. На самом деле революция, начавшаяся 4.11.1918 г. восстанием матросов в г. Киле, формально продлилась до подписания президентом Республики Ф. Эбертом Веймарской конституции 11.08.1919 г., но шла весьма поразному в разных частях страны. В кильском восстании матросов поначалу не было ничего политического (они протестовали против заведомо проигрышного плана командования Кригсмарине дать последний решительный бой английскому флоту), и оно было довольно легко умиротворено. В Баварии была провозглашена Советская Республика (06.04–03.05.1919) по российскому образцу, Революция была там жестоко подавлена с последующим судебным процессом о государственной измене. В Берлине в результате революции никто в госаппарате не потерял своих должностей, события получили у историков название «революции без цели».

Революция в Германии шла не по П. А. Сорокину и не по В. И. Ленину, а скорее по М. Веберу, считавшему революции вопросом внутреннего развития страны. При этом именно региональные особенности революционных преобразований общества значительно осложняют теоретическое осмысление посредством обобщения. Но если учесть, что де-факто (а не де-юре) революция в Германии продлилась до провозглашения ФРГ в 1949 г., пройдя через 12 лет «коричневой революции» нацистов, внесших глубинные трансформации немецкого общества, то П. А. Сорокин был скорее прав, чем заблуждался. Именно то, что он оставил немецкую революцию за рамками рассмотрения в своей книге, способствовало её научному обсуждению в Германии, нежели затрудняло его.

Вопрос о революции был крайне актуален в немецкой социологии. В 1922 г. Немецкое Социологическое Общество, первые два конгресса которого состоялись в 1910 и 1912 гг., собралось на третий конгресс для обсуждения «сущности революции». На конгрессе широко обсуждалась книга немецкого писателя, философа и анархиста Густава Ландауэра (Gustav Landauer; 1870–1919) «Die Revolution» (1907). Он ввел два понятия: топии и утопии. «Топия» – относительно стационарное, устойчивое состояние общества. «Топия» постепенно приближается к неустойчивому состоянию – «утопии». «Топии» неизменно сменяются «утопиями». Революция по Ландауэру – это период, когда прежней «топии» нет, а новая еще не сложилась.

Главный докладчик съезда Л. фон Визе, используя понятие Ландауэра (топии – утопии) построил свое выступление, опираясь на разрабатываемое им «учение о социальных отношениях», которые он делил (мы несколько упрощаем его классификацию) на отношения связи (сближения, приспособления, уравнивания, соединения) и враждебности (соперничества, противостояния, разрушения). Фон Визе полагал, что революции закономерны, и, поясняя свое понимание, воспользовался следующей аналогией: «Революции в социальной жизни представляют собой

параллель с мутациями в биологии и в квантовой теории Планка» [Wiese, 1923:13]. Обе аналогии – биологическая и квантово-физическая весьма метки и современны (для того времени и сейчас), а также весьма глубоки по существу. Тем не менее, использованием им понятийной пары Ландауэра, если отвлечься от аналогий, весьма близко паре понятий в «Социологии революции» П. А. Сорокина: нормальный период – революционный период из двух стадий (собственно революция и реакция) – нормальный период.

В связи с научной актуальностью изучения революции здесь уместно особо подчеркнуть смену жизненных установок автора «Социологии революции» в тот период. В октябре 1924 г. П. А. Сорокин в письме к Д. А. Лутохину в связи с первыми публикациями в США сообщает: «...Два дня назад вышла моя книга «Leaves from a Russian Diary», но я еще её не имею. Через две недели выходит моя «The Sociology of Revolution» посмотрим, как они будут встречены. Обе книги – «архиреакционные», откровенно прямолинейны. Но я не думаю, чтобы здесь они были приняты за таковые» [Сорокин, 1924]. Действительно обе его книги встретили в американском социологическом сообществе теплый прием. Отмечалось, что по поводу «Социологии революции» даже было высказано мнение, что после труда Ле Бона на эту тему не было написано ничего существенного. В опубликованных письмах П. А. Сорокина к Н. Е. Шаповалу, сохранившихся в Центральном государственном архиве Высших органов власти и управления Украины, есть письмо от 20.02.1925 г., где П. А. Сорокин пишет, что «...моя вторая книга («Социология революции») пока что принесла мне ряд писем от виднейших американских социологов (Ellwood, Giddings, Coley, Park, Ross, Paton, Bogardus и др.), в которых они весьма высоко расценивают книгу...» [Сорокин, 2005: 562]. Остается лишь добавить, что с современной исследовательской точки зрения между «Листками» (1924) и «Социологией революции» (1925) есть весьма существенное различие. «Листки» – скорее человеческий документ, наполненный личными переживаниями и оценками, а «Социология революции» – однозначно научное, социологическое сочинение [Зюев, 2009: 9–10].

Из таких предварительных замечаний следует, что появление в Германии рецензии на книгу П. А. Сорокина было ожидаемым научным событием. Актуальность социологического обсуждения темы революции в Германии вместе с открытостью этой темы, её незавершенностью, дискуссионностью с учетом её особенностей, проявляющихся в политической культуре страны (правда, такого понятия тогда еще не было) повышает интерес к обсуждению сочинения в немецком научном сообществе. Обратимся к её содержанию.

Смысл методологических замечаний о «Социологии революции»

Прежде всего отметим, что Х. Мойтер весьма полно представила читателю биографические сведения о П. А. Сорокине: его партийной работе, деятельности во Временном правительстве А. Ф. Керенского; работе главным редактором столичной

газеты «Воля народа», участии в первом Всероссийском крестьянском совете и в Учредительном собрании. Приводятся факты об участии в 1918 г. в контрреволюционной организации среди крестьян, трехкратном аресте большевистскими властями, смертном приговоре, помиловании. Сорокин стал профессором Петроградского университета. Выслан из страны при условии, что никогда не вернется. Книга «Социология революции» написана в Чехословакии, где после изгнания из России в конце 1922 г. он нашел прием у социолога Т. Масарика (президент Чехословацкой республики), но затем с помощью американских друзей перебрался в США, где преподает в университетах. Социолог Э. К. Хайес (Университет Иллинойса) включил книгу в социологическую серию Липпинкотта). Х. Мойтер известны положительные оценки книги американскими социологами. «Считается, что со времен работ Ле Бона не появилось ни одной заслуживающей аналогичного внимания работы на эту тему, и президент Американского социологического общества писал, что при внимательном изучении оказывается, что она полезнее всех остальных книг по данной теме», – пишет Х. Мойтер и, подтверждая свою осведомленность, добавляет: – Сегодня – он не только преподаватель американских университетов, но и руководитель организации российских рабочих в Америке, которые ожидают перемену российских условий, чтобы вернуться на родину» [Meuter, 1925/1926: 461].

Реферируя книгу, Х. Мойтер воспроизводит сущность концепции революционного цикла по П. А. Сорокину: «...Вплоть до возвращения к нормальной эволюции, то есть революционный период в узком смысле + реакционный период, следующий затем закономерно» [Там же]. П. А. Сорокин не дает собственного определения революции, считает Х. Мойтер, и обращает внимание на понятия, используемые им для описания революционного процесса: «врожденный рефлекс, наследственный рефлекс, инстинкт, импульсы и, с другой стороны: условный рефлекс, приобретенный рефлекс, реакция, привычка – используются как синонимы, которые при изменении социальных условий очень быстро приводят к выраженному "неустойчивому равновесию"» [Ibid.:462].

В своей рецензии Х. Мойтер дает общую методологическую оценку сочинения П. А. Сорокина: написано «"натуралистическим" методом (в смысле американских социологов)» и далее реферативно приводит структуру книги. Отметим, что Х. Мойтер подчеркивает основную идею сочинения П. А. Сорокина о том, что революция – прежде всего поведенческий феномен.

Она выделяет основную суть концепции революции П. А. Сорокина: «Автором подчеркивается «мощь» унаследованных факторов (термины: врожденный рефлекс, унаследованный рефлекс, инстинкт, импульсы и, с другой стороны: условный рефлекс, приобретенный рефлекс, реакция, привычка – используются как синонимы), которые при изменении социальных условий очень быстро приводят к выраженному "неустойчивому равновесию"». На первой стадии революции подавляются

многочисленные приобретенные факторы, препятствующие удовлетворению подавленных влечений масс. Они заменяются вновь приобретенными факторами, противоположными им. На второй стадии, начинающейся когда освобожденные прежние влечения доходят «точки кипения», в результате чисто механического воздействия жестких мероприятий происходит восстановление ранее приобретенных рефлексов, и революционный процесс заканчивается, – отмечает она и добавляет: – «Все остальные главы первой, основной части работы, написаны для подтверждения теории П. А. Сорокина, которую мы кратко изложили...» [Ibid.:462]. С учетом хорошо известного теоретического ядра концепции П. А. Сорокина можно выделить основные критические замечания Х. Мойтер которые она представила в своей рецензии на его работу «Социология революции»:

Во-первых, полагает она, неясно, почему «в революционные времена берут верх негативные наследственные факторы», которые, по словам П. А. Сорокина, «торжествуют над приобретенными». Такое теоретическое положение, согласно Х. Мойтер, можно объяснить лишь тем, что наследственные факторы являются в целом «злыми», но сам П. А. Сорокин оспаривает это.

Во-вторых, неясно, почему только благодаря взаимодействию приобретенных и наследственных факторов – как это происходит в нормальные периоды – поведение человека может находиться в состоянии равновесия. Если революция (на первой стадии) имеет дело с эффективностью приобретенных факторов поведения, то теоретически допустимо, что и наследственные факторы могут сложиться а такую систему, что положительные и отрицательные факторы уравновесят друг друга, т.е. «не создают значительного нарушения равновесия человеческого поведения».

В-третьих, из примеров, в изобилии приводимых П. А. Сорокиным, следует (не противореча теории!), что в революционные времена [Ibid.] приобретенные поведенческие факторы не отключаются, не исчезают, а входят в детерминацию поведения с противоположным значением и в такой форме являются действенными. Второе замечание, отмечает критик, уже направлено против упрощения исследовательской ситуации. В данном случае, «можно утверждать, что те самые факторы, которые действовали до революции, сумма которых есть наследственные + приобретенные факторы, самим фактом революции доказали бы свою неадекватность в качестве носителей баланса человеческого поведения» [Ibid.: 463].

В-четвертых, оценивая эмпирическую часть работы П. А. Сорокина, Мойтер отмечает, что она «призвана на многочисленных примерах проиллюстрировать основные виды обратимости приобретенных факторов во время революции. В любом случае речь идет о возврате человеческого поведения в норму на второй стадии». Отсюда она заключает: «Нам кажется, что подход П. А. Сорокина слишком механичен, слишком ориентирован на физиологию – в соответствии с американской моделью – обстоятельство, которое особенно заметно в главе "Психология революционного общества"» [Ibid.].

Современная оценка немецкой критики «Социологии революции»

Прежде всего отметим историко-социологический аспект замечаний Мойтер. Известно, что «Социология революции» была написана как антитеза большевистским воззрениям на революцию как «локомотив истории человечества», опирающимся на марксистскую теорию. Причем на формировании взглядов П. А. Сорокина на революцию сказалось как влияние его учебы и работы в Психоневрологическом институте и Университете, принадлежность к научному сообществу дореволюционной России, так и его участие в революционном движении. Не располагая полностью сведениями о научной и политической деятельности П. А. Сорокина, рецензент Х. Мойтер неточно оценивает соотношение коллективной рефлексологии В. М. Бехтерева и американского бихевиоризма в рецензируемой книге и даже проводит параллели и усматривает некоторое влияние З. Фрейда (к которому П. А. Сорокин относился отрицательно, не приняв его учения и в последующие десятилетия научной работы в США, несмотря на распространение фрейдизма как теоретического учения и клинической практики).

Незадолго до своей высылки из Советской России в своей рецензии на книгу В. М. Бехтерева «Общие основания рефлексологии» (1918 г.) П. А. Сорокин отмечал: «...Этот переход от «субъективной психологии» к «объективной рефлексологии» замечается и в социологии... Ввиду такой тенденции книга В. М. Бехтерева заслуживает внимания социолога вдвойне. Конечно в ней есть пережитки «субъективизма» и «философствования» (например, теория психической энергии как производной от «энергии протоплазмы») и т.п. Есть и спорные «законы»... Но в общем и целом знакомство с рефлексологией В. М. Бехтерева для социолога не только полезно, но необходимо» [Сорокин, 1919: 29–30]. Стоит отметить, что «именно коллективная рефлексология В. М. Бехтерева и в меньшей степени, её американский вариант – бихевиоризм, послужили в качестве основных теорий, на которые изначально опирался П. А. Сорокин в своих исследованиях революции» [Ломоносова, 2017: 255].

Х. Мойтер хорошо знакома как с американским бихевиоризмом (есть её критическая журнальная статья о нем), так и с коллективной рефлексологией В. М. Бехтерева (его работы постоянно переводились и издавались в Германии), но все-таки она склоняется к переоценке влияния американского бихевиоризма и, соответственно, недооценке влияния школы В. М. Бехтерева. При этом, сам П. А. Сорокин отмечал это влияние в своей работе «...Бихевиористы и сторонники русской объективной школы в изучении поведения людей [Павлов, Бехтерев] еще сильнее [в отличие от З. Фрейда и его последователей] выдвинули роль прирожденных или безусловных рефлексов, выявив полную зависимость от них «условных» и сознательных форм поведения» [Сорокин, 1919: 29–30]. Правда, Х. Мойтер в другой своей статье делает весьма важное замечание: «Не следует упускать из виду, что бихевиористский подход и все родственные ему (см.: Бехтерев, Общие основы

рефлексологии человека. Перевод М. Паппенгейма по 3-му изданию 1926 г.) не всегда могут обеспечить согласие в окончательных выводах, что объяснимо невозможностью безраздельного господства бихевиоризма в области психологии». Другое её замечание, но уже в адрес В. М. Бехтерева, состоит в том, что «Бехтерев – еще до бихевиоризма – пытался растворить действие в рефлексе, то дискуссия «За» и «Против» такой попытки – дело психологов, а не социологов» [Meuter, 1927:335].

Во-вторых, замечание Мойтер о том, что «в революционные времена берут верх негативные наследственные факторы», улавливает реальное противоречие в социологии П. А. Сорокина. По содержанию оно является философско-антропологическим и даже скорее мировоззренческим, что весьма интересно, но не раскрыто по существу ни рецензентом, ни современными исследователями.

Ее замечание о том, почему бы наследственным факторам поведения не сложиться в некую равновесную систему, в которой положительные и отрицательные факторы уравновесят друг друга, не менее механистично, чем в «Социологии революции» П. А. Сорокина. Наиболее существенным является её замечание о неоправданном упрощении феномена революции. Упрощение (абстрагирование) является необходимым познавательным средством, но насколько оно оправдано – это вопрос, ответ на который знает лишь эксперт, каждый в своей области.

С учетом современного уровня знания, даже безотносительно к рецензии Х. Мойтер, но в контексте немецкой социологии тех лет, отметим, что П. А. Сорокин, на первый взгляд, следует историческому подходу, как при анализе революций с ясными хронологическими рамками, так и при проведении сравнительно-исторических параллелей революций разных стран и эпох. В частности, он соглашается с немецким социологом В. Зомбартом в том, что следует четко разделять подход историков и социологов к изучению социальных явлений [Зомбарт, 2003], полагая, что историческая наука анализирует уникальные общественные явления, а социология – «ритмику» исторических событий, проявляющихся в форме «социологических законов». С современной точки зрения здесь есть сложная проблема. В. Зомбарт, один из основателей исторической социологии, создатель её парадигмального ядра вместе с М. Вебером выступал за такое сочетание идеографического и номотетического методов, которое позволяет дать ответ на вопрос, почему общество как конкретно-историческая целостность стало именно таким, а не иным. У П. А. Сорокина, как нам представляется, доминирует приверженность скорее номотетическому методу. Причем, такая установка является для российской интеллектуальной культуры весьма устойчивой, как это доказал Патрик Серио – профессор Лозаннского университета, современный исследователь российской интеллектуальной истории. Рассматривая восприятие эволюционной теории Ч. Дарвина в России, он отмечает, неприемлемость модели эволюции, обусловленной случайностью, которой противопоставляется эволюция, подчиняющаяся законам [Серио, 1995: 321–341]. Поэтому совсем не случайно Х. Мойтер вслед за американским издателем рецензируемой книги

(Э. К. Хейс), выводит такое следствие из социологии революции П. А. Сорокина: «здоровому обществу нужны консервативная и прогрессивная партии, причем обе должны быть столь сильны, чтобы в ходе их противостояния сохранилась нормальное равновесие» [Meuter, 1925/26: 464].

В современной социологии революции – развитом исследовательском направлении, восходящем к П. А. Сорокину, обобщающее замечание Х. Мойтер о революции как сложном явлении находит множество подтверждений, предостерегающих от упрощений. Большевики, против теории революции которых направлена книга П. А. Сорокина, упростили объяснение социальной структуры и процессов, преувеличив роль классовой борьбы, которой полнится история. П. А. Сорокин преувеличил роль инстинктов и рефлексов, угнетенных физиологических потребностей, которые нередко двигали историю вперед.

В-третьих, к сожалению, приходится согласиться с замечанием Х. Мойтер об используемом эмпирическом материале: его источники и обработка не всегда надежны. «В соответствии с теорией П. А. Сорокина, обширная коллекция примеров является результатом лишь односторонней группировки: нигде не документированы проявления положительного наследственного фактора, нет случая, когда обращенный приобретенный фактор имел бы положительный эффект. В общем мы оставляем открытым вопрос, всегда ли используемые источники адекватны теме исследования и свободны от искажения представленной в них информации. В очень немногих конкретных случаях следует подчеркнуть, что наша критика высказываний П. А. Сорокина при их детальном рассмотрении должна быть сильна: ... так, на основе статистического материала доказывается, что революция, называемая социальной, проповедует идеал труда, на самом деле лишь потакает инерционному инстинкту масс, что подтверждается производительностью труда русского фабричного рабочего 1913 г. – 100% в сравнении с 1917– 85,5 или с 1918 г.– 44 %, без какого-либо упоминания роли других факторов, кроме индивидуальной инерции» [Ibid.: 463].

В-четвертых, обращаясь к двухфазной концепции революции П. А. Сорокина, выделенной Мойтер, следует отметить, что с современной точки зрения теоретическое описание революции не укладываются в две фазы П. А. Сорокина, а скорее ближе к метафоре фон Визе о мутациях и квантовых энергетических переходах. Можно выделить третью радикальную и необратимую стадию развития послереволюционной системы, откуда уже нет возврата к прежнему нормальному состоянию: это ночь длинных ножей «коричневой» нацистской революции (всегерманский еврейский погром 30.06.1934); убийство С. М. Кирова 1.12.1934 и годы большого террора, а в пределах рассмотрения революций П. А. Сорокиным – убийство итальянскими фашистами социалистического политика Дж. Маттеотти (10.06.1924). Можно выявить точки системного невозвращения к прежнему нормальному состоянию в некоторых революциях, рассмотренных П. А. Сорокиным.

Заключительные замечания

Х. Мойтер не ограничилась восторженными оценками основополагающего сочинения П. А. Сорокина о революциях и заявлением о том, что автор превосходит Ле Бона (в связи с этим можно отметить и влияние Г. Тарда, Н. Михайловского и П. Лаврова).

Обращение лишь к малой части немецких материалов о социологии революции показывает, что с современной точки зрения их использование в историко-социологических исследованиях, в частности, в сорокиноведении, открывает практически неизученный аспект истории российской, европейской и американской социологии. Причем, большая часть откликов в немецком социологическом сообществе на издание «Социологии революции» в Германии в целом подтверждают выводы Х. Мойтер. Следовательно её выводы, особенно о сложности описания революционных процессов, которая должна соотноситься со сложностью самих этих процессов, объективны и доказательны.

Если сопоставить немецкую критику модели противоборства рефлексов в ходе революции с критикой коллективной рефлексологии П. А. Сорокина авторитетным российским социологом – Н. И. Кареевым [Кареев, 2014], то его критика рефлексологического редукционизма П. А. Сорокина в 1922 г. находит свое продолжение, но уже через несколько лет в немецкой критике. Возникают достаточные основания полагать, что довольно быстрый отход П. А. Сорокина от коллективной рефлексологии и разработка им «логико-смыслового метода» в «Социальной и культурной динамике» (1937–1941) произошли под влиянием в том числе и критики его подхода к изучению революции, возникшей в немецком социологическом сообществе. Она сыграла роль своего рода катализатора в его методологической эволюции.

Библиографический список

Зомбарт В. Социология М.: Едиториал УРСС, 2003. 144 с.

Зюев Н. Ф. «Американские горки» Питирима Сорокина: «Зырянский мудрец» глазами заокеанских социологов. Сыктывкар: Эском, 2009. 237 с.

Кареев Н. И. Два новых научных труда по социологии // Социологический журнал. 2014. № 4. С. 95–120.

Ломоносова М. В. Социология революции Питирима Сорокина // Вестник СПбГУ. Социология. 2017. Т. 10. Вып. 3. С. 251–268.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu12.2017.301>.

Серио П. Лингвистика и биология. У истоков структурализма: биологическая дискуссия в России // Язык и наука конца 20 века. Под ред. Ю. С. Степанова. М., 1995. С. 321–341.

Сорокин П. А. Письма к Лутохину Д. А. 1924 // РО ИРЛИ СПб, Ф. 592. Архив Лутохина Д. А. 17 л., № 10.

Сорокин П. А. Письма к Н. Е. Шаповалу. 1922–1931 // Сорокин П. А. Социология революции. М.: Издательский дом «Территория будущего», РОССПЭН, 2005. С. 546–583.

Сорокин П. А. Рец.: Бехтерев В. М. Общие основания рефлексологии. Пг., 1918. С.163 // Социобиблиологический вестник. 1919. № 4–6. С. 29–30.

Сорокин П. А. Социология революции / Сост., авт. коммент. В. В. Сапов; авт. вступ. ст. А. Н. Медушевский; Ин-т обществ. мысли. М.: Российская политическая энцикл. (РОССПЭН), 2010. 551 с.

Gierlichs W. u.a. Das Dorf als soziales Gebilde. München, Leipzig: Duncker & Humblot, 1928. 89 p.

Kasspohl H. Einleitung zur deutschen Ausgabe // Sorokin P. Die Soziologie der Revolution. Ins Dt. übertragen und mit einer Einl. versehen von H. Kasspohl München: J.F. Lehmanns Verlag, 1928. P. 7–30.

Meuter H. Behaviorismus als psychologisches und soziologisches Arbeitsaprinzip // Kölner Vierteljahreshefte für Soziologie und Sozialpsychologie. 1927. Jg. 6. H. 4. P. 363- 366.

Meuter H. Sorokin P. The Sociology der Revolution: Rezension // Kölner Vierteljahrshefte für Soziologie. Jg. 5. H. 4. 1925/1926. p. 461–464.

Wiese L. von. Die Problematik einer Soziologie der Revolution // Verhandlungen des Dritten Deutschen Soziologentages am 24. und 25. September 1922 in Jena: Reden und Vorträge und Debatten über das Wesen der Revolution / von F. Tönnies; L. V. Wiese; L. M. Hartmann. Tübingen: Mohr, 1923. p. 6–23.